

Реплика

Мне представляется, что проблема этнических конфликтов — чисто гносеологическая, что не существует того пространства, в котором возможно онтологическое описание этнических конфликтов. Вы только что говорили очень важные вещи. В каких-то ситуациях крупные государства, отторгнув от себя регион, только укрепляются. Но любое государство — и это нормально в рамках политической логики — стремится удержать в пределах своей территории некоторые регионы, которые проявляют сепаратнистские тенденции. Если этот конфликт завершается подавлением сепаратистов, то это означает, что интегративная тенденция оказалась сильнее, а интеграторы — более мощными. Если все-таки регион выходит из "материнской" территории, значит интегратор оказался слабее, и воля населения, которое выразило сепаратистские тенденции, оказалась сильнее. Мы выясняем это только постфактум.

Я не вижу здесь основания для теоретической точки зрения, если только за ней не стоят личные политические симпатии. Я не знаю, хороши или плохи баски, но я вижу, что за свои цели они борются десятилетиями. Я не знаю, хорош или плох сепаратизм Северной Ирландии, но знаю факт этой борьбы, которая никак не может быть остановлена, и признаю необходимость диалога, который дает какой-то позитивный результат, позитивный для этих сепаратистов. Я наблюдаю. Эти проблемы для меня не подлежат аксиологической оценке, ибо мы не можем выяснить, какой интегратор сильнее — сепаратный или общегосударственный. Здесь практически нельзя выяснить, что лучше или что хуже. Я думаю, что эти вещи надо оценивать чисто познавательно в гносеологических категориях. У каждого есть своя правда. Есть своя правда у государства, которое пытается

сохранить свою целостность. Скажу больше: война, которую государство ведет с сепаратистами и формы подавления сепаратизма естественны, ибо они и проверяют силу интеграторов и волю сепаратистов к свободе. Это естественный диалектический процесс, очень болезненный, но неизбежный. Тут есть и другая проблема — проблема интеграторов государства, число которых конечно — этнокультурный, экономический и идеологический. Политические интеграторы над ними надстраиваются. Сепаратистские движения в конечном счете задаются, как правило, этнокультурными интересами. Что мы имеем в нашей стране? Был идеологический советский интегратор. Он рухнул вместе с идеологией. Обнаружился вакуум, и стали работать этнокультурные интересы. Есть этнокультурные регионы — исламский, православный, протестанско-католический. Это чисто культурные конфессиональные регионы. Есть общности этнические. И эти факторы стали действовать.

Как мы можем аналитически выяснить, интегрируется ли Северный Кавказ в Россию или не интегрируется? Мы можем это выяснить только на поле боя, читая газеты и наблюдая этот процесс. На мой взгляд, Кавказ очень сложно встраивается в Россию. Территория, на которой при падении государства начинается реставрация патриархального рабовладения, очень плохо согласуется с государством, которое имеет притязания на вход в постиндустриальное общество. Это особый этнокультурный регион, со своей спецификой, стадияльно очень далеко отстоящий в своем развитии от большей части России, регион совершенно иного культурного круга и, по моему, со своей судьбой, но это мои частные убеждения. Важно, что эти убеждения нельзя верифицировать, их нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Я допускаю и даже убежден, что человек, имеющий иную позицию, может выстроить не менее стройную систему аргументов, которая будет столь же логична. Поэтому я и не являюсь сторонником оценочной позиции в этом вопросе.